

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ:
ВОЗМОЖНЫЕ ВЫЗОВЫ И
«ЛОВУШКИ»**

Под редакцией
В. Михеева,
А. Федоровского

Москва
ИМЭМО РАН
2016

УДК 327(519)
ББК 66.4(5Кoo)(5Кop)
Объ 29

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензент:
доктор политических наук, профессор РАН Ф.Г. Войтоловский

Под ред. д.э.н. В.В. Михеева, д.э.н. А.Н. Федоровского

Объ 29

Объединение Кореи: возможные вызовы и «ловушки» / Под ред. В. Михеева, А. Федоровского. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 33 с.

ISBN 978-5-9535-0463-8

DOI:10.20542/978-5-9535-0463-8

Исследование перспектив объединения Кореи с учетом возможных рисков и «ловушек», порождаемых этим процессом. Оценка вероятных последствий трансформации существующей на Севере Кореи политической системы. Проблемы обеспечения правопорядка и функционирования правовой системы в переходный период. Анализ «ловушек», связанных с проведением структурных преобразований и экономических реформ, в том числе необходимостью легализации «серой» экономики. Рассмотрение рисков, возникающих в связи с перестройкой военной индустрии. Проблемы обеспечения занятости и контроля за миграцией. Вопросы обеспечения безопасности и развития сбалансированных отношений с региональными державами.

The Korean Unification: Traps and Challenges / Mikheev V., Fedorovskii A., eds. – Moscow, IMEMO, 2016. – 33 p.

ISBN 978-5-9535-0463-8

Possible risks and traps during the period of unification of Korea. Consequences of transformation of North Korean political system. Problems of administrative order and legal system during the transition period. Analysis of most possible traps closely connected with structural and economic reforms (legalization of “grey economy”, etc). Main social and economic risks in military industry under the reform period. Key issues of control on unemployment and migration. Security and diplomatic risks in economic and political relations between Korea and regional powers under unification period.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0463-8

© ИМЭМО РАН, 2016

Оглавление

Введение	4
I. Вероятные сценарии объединения.....	7
II. Политическая система. Судьба Трудовой Партии Кореи	10
III. Обеспечение правопорядка и безопасности. Судебная система	12
IV. Экономика	15
V. Внешняя политика и оборона: отношения с Китаем, США, Японией и Россией.....	28
VI. Выводы	31

Введение

Настоящая работа подготовлена в Центре азиатско-тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) им. Е.М. Примакова в ходе реализации исследовательского проекта *Объединение Кореи: возможные вызовы и «ловушки»*, поддержанного Корейским Фондом (Республика Корея). Руководители и ответственные редакторы научного доклада – член-корр. РАН В.В. Михеев и д.э.н. А.Н. Федоровский. В реализации проекта и подготовке материалов научного доклада к печати приняли участие: К.Р. Вода, Е.А. Ключева, к.э.н. В.Г. Швыдко.

Оценивая перспективы объединения Кореи, политики и эксперты обычно больше говорят о тех политических, культурных, гуманитарных выгодах, которые принесет объединение для корейского народа. Говорят и об экономических издержках длительного процесса взаимной адаптации двух корейских государств, прежде всего о том, сколько это будет стоить южнокорейскому бюджету на протяжении многих лет, пока вложенные средства не станут приносить отдачу.

Вместе с тем финансовая составляющая – не единственная проблема объединения. Многие другие аспекты объединения Кореи также находятся в центре внимания экспертов. В частности, в этой связи необходимо упомянуть исследования Корейского института национального объединения. В данной работе авторы представляют свой взгляд на **совокупность рисков, вызовов и «ловушек»**, стоящих на пути объединения, часть которых проявляются уже сейчас, а другие носят латентный характер и могут проявиться в полной мере уже в ходе объединения, угрожая его содержанию и конечным результатам.

За 70 лет после раскола страны взгляды на то, каким образом можно воссоединить Корею, претерпели значительные изменения.

Во второй половине 1940-х годов, после окончания Второй мировой войны возможности воссоединения были связаны с интересами СССР и США, осуществлявших административное управление северной и южной частями Кореи до создания Республики Корея и КНДР. Главный вызов в то время состоял в том, возможно ли соединить интересы бывшего СССР и США таким образом, чтобы

сохранить Корею единой. Как и в случае с Германией, история дала отрицательный ответ на этот вопрос.

В начале 1950-х годов Северная Корея неудачно попыталась осуществить военный вариант воссоединения с Югом на принципах северокорейской коммунистической модели. Юг также не сумел использовать ситуацию, сложившуюся после отступления северокорейской армии к китайской границе, для объединения страны на основе южнокорейской политической модели. Решающую роль здесь снова сыграли СССР и США, которые предпочли сохранение военно-политического статус-кво на Корейском полуострове перед лицом угрозы ядерной войны. Тем самым был дан и компромиссный вариант ответа на стратегический вызов: частью какого «лагеря», социалистического или капиталистического, стала бы объединенная Корея.

В 1960-е и до середины 1970-х годов Северная Корея сохраняла преимущество в экономическом соревновании между социалистическим Севером и капиталистическим Югом. Это позволяло Пхеньяну декларировать «мирные принципы» воссоединения, играя на психологических чувствах разделенной нации и параллельно готовя для Юга «ловушку», будучи полностью уверенным в распространении собственной политической и экономической системы на весь Корейский полуостров в случае, если бы объединение стало реальностью.

С середины 1970-х годов, вслед за «чудом на Хангане», соотношение экономических сил на полуострове стало стремительно меняться в пользу Юга. Пхеньян сначала предпринял попытку вновь применить военную силу при опоре на тогда еще маоистский Китай. Однако идея новой войны была отвергнута пекинским руководством. Это заставило Пхеньян в корне пересмотреть концепцию объединения. Главной целью стало не «коммунистическое» поглощение Юга, а выживание самого северокорейского режима в противоборстве с уходящей в отрыв в экономическом, технологическом и в социальном плане Южной Кореей.

Северокорейская концепция Конфедерации Севера и Юга, выдвинутая в 1980 г., предполагала уже не захват южной части полуострова, а сохранение северокорейской социалистической модели в условиях единого корейского государства.

С точки зрения интересов Республики Корея, главной «ловушкой» такого варианта стало бы сохранение режима Ким Ир Сена и перманентное давление на власти Юга как с целью выкачивания экономической помощи, так и в плане создания угроз безопасности южнокорейского политического режима, который в глазах Севера продолжал бы оставаться враждебным.

После распада СССР в 1990-е и 2000-е годы, режим Ким Чен Ира, столкнувшись с последствиями проявления на Севере экономического кризиса, во многом связанного с прекращением советской помощи, пошел на то, чтобы де-факто снять вопрос об объединении, хотя в официальной пропаганде традиционные лозунги объединения сохранялись.

Сегодня Пхеньян на деле понимает, что объединение будет означать победу южнокорейской политической и значительно более мощной экономической модели и, соответственно, уничтожение режима клана Кимов, правящего на Севере Кореи уже 70 лет.

В этих условиях главной «ловушкой» для Юга представляется соблазн поддаваться не имеющему реальной почвы убеждению, что на практике возможен какой-либо иной вариант становления единой Кореи, кроме объединения на рыночно-демократической основе Юга со сменой нынешнего северокорейского политического режима.

В настоящей работе авторы анализируют те вызовы и «ловушки», которые связаны именно с единственно реалистичным, на их взгляд, вариантом объединения Кореи на основе южнокорейской демократической системы и рыночной экономики.

Хотя социальные проблемы – опаснейшая «ловушка», стоящая на пути объединения Кореи, в этом исследовании данный вопрос не выделен в особый раздел. В своей работе авторы считают необходимым осветить социальные аспекты корейского объединения через призму анализируемых важнейших экономических и политических проблем.

I. Вероятные сценарии объединения

Как было отмечено выше, единственно приемлемым вариантом объединения, с нашей точки зрения, является интеграция Севера и Юга на основе системы рыночной демократии, верховенства права и базовых ценностей, включая личные права и свободы.

Любые другие сценарии, которые предполагали бы какой-либо вариант сохранения северокорейского режима в условиях Объединенной Кореи в форме Конфедерации или в другом формате, несут в себе стратегические «ловушки», губительные для перспектив создания единой Кореи.

Во-первых, консервация нынешнего северокорейского режима и политической самостоятельности Севера в условиях Конфедерации не снимает существующих ядерных, военных, политико-идеологических и иных угроз безопасности Корейского полуострова и соседних стран. Более того, Пхеньян получит дополнительные возможности нагнетать ситуацию, используя финансовые потоки со стороны Юга в направлении Севера, которые, скорее всего, будут неизбежны – хотя бы для демонстрации того, что Конфедерация действительно состоялась и богатый Юг должен помочь бедному Северу.

Во-вторых, в случае полноправного включения нынешней северокорейской политической элиты в южнокорейскую демократическую систему, возможны на первый взгляд фантастические, но от того не менее опасные сценарии. Например, северокорейские избиратели, которые составят более 30% электората, по северокорейской традиции «голосовать всем и правильно», обеспечат Трудовой Партии Кореи (ТПК) преобладающие позиции в парламенте Единой Кореи. Еще один вариант манипуляции «правилами игры» при «управляемой демократии» на Севере, состоит в том, что 30% голосов могут позволить Ким Чен Ыну одержать победу над несколькими южнокорейскими кандидатами на президентских выборах.

Заостренная абсурдность подобных «ловушек» еще раз подчеркивает, что единственно реалистичный вариант объединения – это смена политической и экономической системы на Севере по южнокорейской модели.

Однако и этот единственно реалистичный вариант таит в себе риски, рассматриваемые ниже.

Возможны два главных сценария объединения Кореи на «южной», рыночно-демократической основе.

Первый – максимально быстрое, «моментальное» объединение. Вызовы и риски этого сценария обусловлены большой вероятностью социального хаоса, который может возникнуть сразу после такого рода обвального объединения: полный паралич административного управления на Севере, прекращение функционирования инфраструктуры, минимально необходимой для поддержания жизнедеятельности и работы производственных предприятий, массовый наплыв на Юг северокорейских граждан, совершенно не готовых к новой жизни в условиях капитализма, попытки масштабной стихийной эмиграции в Китай и Россию, что усилит политическую напряженность вокруг Корейского полуострова.

Второй сценарий – временное сосуществование двух корейских государств, развивающихся на схожих принципах рыночной экономики, открытости и демократии. Преимущество такого пути состоит в том, что граждане Севера сначала «учатся ловить рыбу» в рыночной экономике, т.е. воспринимают базовые принципы рыночной системы, информационной открытости, демократических свобод, и по мере достижения соответствующей стадии зрелости воссоединяются с Югом.

Вместе с тем подобный сценарий также содержит в себе стратегические «ловушки». Процесс «обучения», особенно свободе и открытости, может проходить не так гладко и успешно, как рассчитывают оптимисты, особенно с учетом того, что местное понимание демократии может с высокой долей вероятности нести отпечаток предыдущей системы и привести к возрождению тоталитаризма в новой редакции. В итоге, в политической сфере произойдет «смена вывесок» при некоторой ротации кадров на фоне тотального контроля сложившихся групп управления в Пхеньяне и в регионе. При этом вместо становления рыночной системы на Севере будут укрепляться позиции полностью коррумпированного, выросшего из нынешней теневой экономики КНДР квази-рыночного и криминального по своему характеру «кумовского капитализма».

В конечном результате высокими становятся риски прихода к власти на Севере вместо клана Кимов новых лидеров, позиции которых коренятся в современном северокорейском тоталитаризме. В конечном итоге, ни одно из главных препятствий, стоящих на пути полноценного объединения Кореи, так и не будет преодолено. Ядерная проблема не найдет своего решения, а новый режим на Севере сохранит прежнюю агрессивность и будет угрожать Югу и соседним странам. При этом в массовом сознании северокорейцев усилиями пхеньянских пропагандистов постепенно может закладываться мысль о том, что ответственность за возникающие вызовы должна быть возложена уже на руководство Юга Кореи. И такая аргументация, выгодная наследникам северокорейской «номенклатуры», может оказаться весьма действенной.

Исходя из сказанного, стоит предположить, что на практике, чтобы избежать описанных «ловушек», Юг будет вынужден пойти на умеренно динамичное, поэтапное объединение при использовании ряда жестких административных ограничений и механизмов, включая временное сохранение заградительных линий внутри Единой Кореи. Задача состоит в том, чтобы помочь сначала северокорейцам освоить основы легальной рыночной деятельности, культуры правовых отношений, а уже потом предоставить им возможности полноценного включения в политическую и экономическую системы Объединенной Кореи, включая свободное перемещение на всем пространстве Корейского полуострова. При этом ориентация на проработанную дорожную карту реформ должна помочь не потерять контроль за содержанием и темпом проводимых реформ.

Риски такого варианта связаны с вероятным ростом недовольства северян, которые не автоматически, как можно было бы ожидать, получают доступ к благам Юга. Существует также риск появления на Юге групп недовольных, в первую очередь из среды левых политических сил и представителей неправительственных организаций, которые скорее всего будут настаивать на безусловном и максимально быстром распространении на жителей Севера базовых демократических прав, включая свободу передвижения.

Однако данные риски могут смягчаться рациональной политикой Юга в проведении постепенной модернизации северокорейской экономики, поэтапно охватывающей все новые слои и регионы, а также целевой пропаганды и разъяснения условий

полномасштабного объединения, реализации тренировочных и образовательных программ для желающих поскорее перебраться на Юг, материальной помощью северокорейскому населению, продолжающему жить на Севере и т.п.

II. Политическая система. Судьба Трудовой Партии Кореи

Главные вызовы начального этапа процесса объединения связаны с решением фундаментальной задачи: как трансформировать нынешнюю тоталитарную политическую систему Северной Кореи и что делать с ТПК, являющейся не просто правящей партией, но орудием организации всего общества, административного и политического контроля над ним. При этом необходимо учитывать, что в современной КНДР не только управленец, но и любой специалист независимо от его профессиональной принадлежности неизбежно является членом правящей партии.

Опыт России и других стран Восточной Европы показывает, что правящие коммунистические партии в конечном итоге были запрещены или трансформированы. Вместо них начался процесс формирования новых партий, в большинстве своем социал-демократического характера. Прежнее дискредитированное руководство компартий либо вынуждено было оставить политическую сцену (Россия, Чехословакия), либо было осуждено по соответствующим статьям уголовного кодекса (ГДР). Вместе с тем руководящий костяк новых возникших партийных структур зачастую состоял не только из политиков, изначально оппозиционно настроенных по отношению к власти, но и из членов прежней партийной номенклатуры второго-третьего ряда. Более того, в ряде других бывших стран социализма, например в Литве и Болгарии, новые партии возглавила старая партийная элита, отказавшаяся от коммунистической идеологии и перешедшая на концептуальные позиции рынка и демократии.

На этом фоне выделяется история краха тоталитарного режима в Румынии. В то время как многолетний диктатор Н. Чаушеску был поспешно казнен, один из руководителей компартии (И. Илиеску)

сумел пройти выборы и возглавить страну в качестве демократически избранного президента. Этот пример тем более поучителен, что Румыния на момент краха коммунистического режима была самой жесткой диктатурой из всех стран Восточной Европы.

В России была создана Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), но в её руководство вошли в основном бывшие номенклатурные сотрудники КПСС среднего и низшего звена, оказавшиеся неспособными адаптироваться к новым политическим и экономическим условиям. Основная часть прежних дееспособных кадровых сотрудников партии, руководителей предприятий и представителей органов государственной власти в столице и в провинции так или иначе преуспела в процессе обретения собственности, который начался еще до формального краха СССР и начала рыночных реформ.

Особняком стоят Китай и Вьетнам – социалистические страны, в которых правящие коммунистические партии оказались способными возглавить перемены, подразумевающие использование рыночных механизмов и проведение политики открытости в отношении внешнего мира.

В Северной Корее ТПК не обнаруживает в себе идейного и политического потенциала возглавить реформы, пойдя на то, на что оказались способны руководящие слои в Китае и Вьетнаме – на регулярную ротацию политических лидеров страны, на самообновление элит. Правящий клан Кимов не продемонстрировал готовности к подобным кардинальным реформам, все еще видя главные угрозы не внутри страны, а за рубежом. В условиях наметившегося за последнее десятилетие разложения внутреннего строя политика руководства по проведению отдельных «точечных послаблений» в экономике, несмотря на непрекращающиеся репрессии (а, возможно, под их воздействием), ведет к полной потере контроля над реальными процессами.

По мере растущей вовлеченности гражданских и военных руководителей в коммерческие операции растет отчуждение руководства страны от собственных элит, происходит девальвация провозглашенных политических целей и расшатывания легитимности партийных и государственных устоев, деградации управленческих механизмов.

В условиях системного краха, скорее всего, актуальным станет вариант запрета ТПК и формирования новых партий. Это – наиболее удобный вариант для тех партийных руководителей, которые готовы идти на перемены в рыночно-демократическом направлении, но желают «развязать себе руки», с тем чтобы не испытывать противодействия со стороны вчерашних вождей – носителей абсолютной власти в стране как в восприятии населения, так и на практике.

Еще один урок краха мирового социализма состоит в возможности использования потенциала марионеточных политических партий. В Восточной Германии именно такие партии после запрета СЕПГ сформировали первое посткоммунистическое правительство и привели страну в течение года к объединению с Западной Германией.

В Северной Корее есть возможность использовать в переходный период две полностью подчиненные сегодня ТПК марионеточные партии – буддистскую Партию небесного пути (Chon-do-gyo Chon-woo-dan) и Социалистическую партию.

При политической и финансовой поддержке южнокорейских властей эти партии могли бы привлечь к себе часть населения после ликвидации ТПК и в период формирования новых политических партий. Например, Партия небесного пути, по варианту японской партии Комэй-то, может взять на себя роль проводника традиционных ценностей и принципов взаимопомощи, занявшись оказанием поддержки наиболее нуждающейся части населения продуктами, одеждой и медикаментами. Социалистическая партия – стать притягательной в глазах северокорейской интеллигенции.

III. Обеспечение правопорядка и безопасности. Судебная система

Опыт коллапса мировой системы социализма дает разные варианты развития ситуации в сфере внутренней безопасности и правопорядка. В одних странах (Россия) службы безопасности, полиция, суды и т.п. в основном сохранили свой кадровый состав. В других (страны Балтии, Восточная Европа) кадровый состав полиции был в основном или частично сохранен, тогда как органы

безопасности, прокуратуры и суды подверглись полному реформированию.

Практически во всех странах правовая система подверглась радикальному пересмотру, начиная с принятия новой по своему характеру Конституции, гарантирующей базовые права человека. Была введена система законов, позволяющая в полной мере использовать рыночные механизмы и защищающая права частной собственности. Напротив, отменялись в первую очередь законы, защищавшие исключительные права коммунистических партий.

При этом во всех постсоветских странах переход на капиталистические основы жизни и снятие давления авторитарной власти сопровождался ростом криминальных проявлений, в том числе распространением в обществе коррупции. Аналогичные «ловушки» ожидают реформаторов в Северной Корее: это, в первую очередь, риск резкой криминализации ситуации – массового появления групп рэкетиров, криминальных «крыш», контролирующих не только малый, но и крупный бизнес; превращения коррупции в тотальную форму организации нового частного бизнеса «снизу».

В связи с этим, в случае Северной Кореи были бы логичны профилактические шаги по реформированию правоохранительной и законодательной системы. Существующие в современной Северной Корее устои правопорядка подлежат полному слому и замене на южнокорейскую практику. В политическом смысле это не должно вызвать протестов со стороны северокорейской элиты, готовой включиться в процесс объединения и ведения легального бизнеса.

«Ловушки» связаны с полицейскими и судебными кадрами. Причем наиболее проблемной остается именно судебная сфера. Может возникнуть соблазн привлечь в судебную систему Севера следователей, прокуроров, судей и адвокатов с Юга. В этом случае велика опасность возникновения противостояния: Юг – судит, тогда как Север – подсудимый.

Очевидным решением проблемы представляется создание фактически новой правовой элиты Севера за счет отбора и подготовки юридических кадров. Однако проведение этой системы исключительно силами Юга было бы в значительной степени рискованно, поскольку образовалась бы видимость создания репрессивной системы в интересах исключительно Сеула. В связи с этим следует отметить два

важных аспекта решения проблемы, способных смягчить возникающие риски общественного непонимания. Во-первых, привлечение к обучению необходимого числа юристов и проведение правовой реформы специалистами из таких авторитетных международных организаций, как ООН и её специализированные организации, которые могли бы также взять на себя полностью или частично финансирование этого процесса. Во-вторых, привлечение в систему правосудия в какой-либо форме (например, в качестве присяжных заседателей) граждан Севера. Большую роль в просвещении населения Севера способны оказать соответствующие обучающие ТВ программы.

В любом случае предстоит контролировать надлежащее исполнение формирующимися судами нового уголовного и гражданского права, для чего в практику целесообразно ввести гласность суда, используя для этого возможности СМИ.

Еще одна «ловушка» – судьбы политзаключенных. Эти люди будут нуждаться в особых программах адаптации их к новым правилам и условиям жизни в Объединенной Корее.

Особая проблема, требующая нового юридического обеспечения – проблема северокорейских беженцев. Их ожидаемый наплыв на Юг потребует новых правовых инструментов поддержания мирных отношений между северянами, которые будут создавать социальное давление на южнокорейское население, и южанами. Неэффективное решение этой проблемы создаст серьезные вызовы социальной стабильности в районах к Северу от 38-й параллели.

Для смягчения действия этого, как и многих других негативных аспектов смены экономической основы Северной Кореи, наиболее рациональным был бы вариант раздельного существования двух корейских государств на начальной фазе объединения – до того момента, когда Север в какой-то степени научится «ловить рыбу подаренной удочкой» в рыночной экономике, а не просто «потреблять подаренную рыбу».

Надо ясно видеть, что речь идет именно о смене всего экономического, социального и политического уклада, а не просто фантастического переноса северокорейских реалий в южнокорейские.

Вариант двух отдельных рыночных экономик на Корейском полуострове на начальном этапе модернизации Севера помог бы снять

и вероятную огромную социально-психологическую и финансовую нагрузку на Сеул, предотвратив массовую миграцию на Юг неподготовленных к южнокорейской жизни граждан Севера. Одним из частичных решений социальной проблемы и средством пополнения доходов северокорейских домохозяйств может стать расширение экспорта рабочей силы (с нынешних 50 тыс. до, например, 500 тыс. человек, в том числе на российский Дальний Восток) при предоставлении рабочим свободы за рубежом в плане расходования зарабатываемых средств.

IV. Экономика

Нынешняя официальная северокорейская экономика практически полностью неработоспособна – за некоторым исключением в виде отраслей, связанных с ракетно-ядерной сферой. К числу проблемных относятся крупные и мелкие предприятия тяжелой и отчасти легкой промышленности, а также сектор услуг, работающий на распределительных принципах.

Администрация Ким Чен Ына пытается оживить экономические процессы, позволяя, в частности, крестьянам использовать часть земли для производства продуктов на свободном рынке (переход на семейный подряд с 2013 г.). Ряд промышленных предприятий также получает возможность распоряжения частью продукции по своему усмотрению. Подобная практика в той или иной мере использовалась в странах Восточной Европы и СССР, однако она не позволила преодолеть фундаментальные проблемы административно-командной экономики.

(i) «Серая» и «черная» экономика

В настоящее время полулегальная и нелегальная – «серая» и «черная» – коммерческая деятельность является основой фактически сложившейся в КНДР в современных условиях деловой активности северокорейцев. Главная особенность подобной практики связана с тем, что отдельные северокорейские граждане (из числа либо руководящих работников, либо связанных с партийной, гражданской

или военной бюрократией) распоряжаются в своих интересах подконтрольными им активами (производственными мощностями, транспортными средствами, строительной техникой, правом совершать внешнеторговые операции и т.д.). Государство официально не разрешает такую коммерческую деятельность, но и не запрещает её, оставляя за собой возможность принимать ситуативные решения, исходя из конкретной обстановки.

Главными сферами северокорейской «черно-серой» экономики являются:

- ✓ сельское и рыбное хозяйство;
- ✓ торговля;
- ✓ транспорт;
- ✓ сфера услуг;
- ✓ строительство и ремонт жилья;
- ✓ нелегальное (подразумевающее хищение государственного сырья) производство потребительских товаров и изделий легкой промышленности;
- ✓ добыча и экспорт некоторых видов минерального сырья;
- ✓ коммерческие связи с зарубежными партнерами;
- ✓ ростовщичество, нелегальные банковско-кредитные и валютные операции.

Именно эта зона экономики обеспечивает выживание части северокорейского населения, тогда как большинство граждан Северной Кореи находятся на грани физической смерти.

По нашим оценкам, около 50% населения Северной Кореи так или иначе заняты в нелегальной экономике, однако число преуспевающих в ней составляет не более 10-15%. Подобные цифры могут носить только оценочный характер, при этом учитываются разного рода, как прямые, так и косвенные данные, например число абонентов внутренней мобильной связи.

(ii) Военная индустрия и проблемы занятости

Переход Северной Кореи на рыночные механизмы еще более усугубит положение в главной отрасли северокорейской экономики – военном производстве и связанных с ним смежных отраслях, прежде всего в тяжелой индустрии.

В России до 70% всей промышленности прямо или косвенно работало на оборону. Опыт России показывает, что конверсия военного производства, т.е. перевода военных предприятий на производство гражданской продукции – задача весьма капиталоемкая и требующая для своего решения значительного периода времени. Полноценная конверсия невозможна без крупных и долгосрочных финансовых вливаний в отрасли ВПК, но без этого предприятия оборонной промышленности не могли обеспечить требуемого ассортимента и качества производимой продукции.

Остановка российских оборонных заводов и работавших на них смежных предприятий оказала негативное влияние на общее экономическое и социальное положение, возбудило в широких общественных кругах негативное отношение к проводимым в стране рыночным реформам. С точки зрения социальной стабильности ситуация могла стать катастрофической, если бы огромные массы новых безработных оказались на улице без каких-либо средств к существованию.

В России меры, предотвратившие необратимые негативные последствия, были найдены на уровне отдельных предприятий и регионов. Повсеместное распространение получила практика поддержания частичной занятости: формально рабочий не увольнялся и получал небольшое пособие, привлекаясь от случая к случаю при необходимости к выполнению отдельных заданий, получая при этом дополнительное вознаграждение. Одновременно предоставление возможности самозанятости сыграло определенную позитивную роль в России при переходе от социализма к рынку, когда промышленные предприятия и государственные учреждения, работавшие на бывший режим, стали закрываться в массовом порядке. Люди переходили на другие действующие предприятия либо начинали искать новые источники заработка (производство продовольствия на собственных приусадебных хозяйствах и на дачах, мелкие услуги, частный извоз,

сезонная занятость в качестве наемного персонала в сельском хозяйстве и на стройках и т.д.). Все это позволило если не избежать, то по крайней мере сгладить психологические стрессы и постепенно адаптировать работников к рыночным условиям жизни и деятельности.

Учитывая, что уровень урбанизации и отраслевая структура экономики в КНДР аналогична ситуации, существовавшей в Советском Союзе, российский опыт включения тяжелой и оборонной промышленности в рыночные отношения может быть полезен для его применения в условиях Северной Кореи. Игнорирование социальных проблем, связанных с последствиями закрытия и модернизации военной и тяжелой промышленности, может усугубить и без того сложный переходный период в отношениях Севера и Юга.

(iii) Проблемы финансовой системы

Фундаментальная проблема реформирования Северной Кореи – финансирование экономических процессов. Главная «ловушка» модернизации северокорейской экономики связана с тем, что наибольшего объема инвестиций могут потребовать проекты с низкой или даже нулевой степенью отдачи. Объемы финансирования будут зависеть от схемы структурной перестройки северокорейской экономики.

Исходя из выбранных приоритетов развития промышленности Северной Кореи, можно выделить несколько вариантов распределения инвестиционных ресурсов:

- ✓ полная утилизация существующих мощностей и создание технологически совершенно новых производств;
- ✓ утилизация и частичная модернизация;
- ✓ модернизация и частичная утилизация;
- ✓ создание совершенно новых производств на современной южнокорейской основе.

Еще одним вызовом будет создание в Северной Корее современного банковского сектора. Опыт России и стран СНГ показывает, что приватизация в этой сфере может вызывать масштабные банкротства банков и других финансовых институтов,

появление финансовых «пирамид» с тяжелыми социальными последствиями для обманутых вкладчиков.

Северокорейские банки, обслуживающие финансы нынешнего северокорейского руководства за рубежом, будут представлять особый интерес для новых властей как держатели реальных денежных ресурсов.

Решение проблем этих источников дохода новой Северной Кореи потребует координации действий Объединенной Кореи со странами, в которых традиционно была высока финансовая активность Пхеньяна – прежде всего, с Китаем (Макао, Гонконг), Сингапуром, Англией, Австрией, Швейцарией и др.

Государству придется определиться с возможностями своего участия в процессе модернизации, разделив ответственность с национальным и иностранным частным бизнесом. Все это потребует значительного объема бюджетных и кредитных ресурсов. Очевидно, что приоритетом государства должно стать коренное обновление инфраструктуры и закрытие устаревших производств, санация экологически неблагополучных индустриальных районов.

Решение всей совокупности этих задач потребует разработки программы поэтапной расчистки депрессивных отраслей, исходя из злободневности тех или иных вопросов. В любом случае рейтинг проектного финансирования должен помочь избежать отвлечения чрезмерных средств от решения креативных задач.

Между тем решение проблемы физического выживания людей и развитие коммерческих структур, ориентированных на удовлетворение реального спроса, должно сфокусировать внимание на легализации «серой» экономики. В КНДР приходится считаться с существованием нелегального, но работающего сектора экономики наряду с неработающим, но легальным сектором. Главная помощь данному сектору бизнеса должна состоять в создании необходимой правовой базы, обучения и переподготовке необходимых кадров, информационной поддержке. **Поддержка легализация теневого сектора** (в большинстве своем представленного малым и средним бизнесом) путем его кредитования потребует относительно меньших затрат в сравнении с расходами на инфраструктурные проекты при высокой экономической и социальной отдаче этих вложений.

(iv) Секторальное развитие

Исходным пунктом объединения Кореи является начало реальных рыночных реформ, подразумевающих структурные преобразования в Северной Корее. В ином случае поступающая экономическая помощь под любым предлогом будет изыматься из оговоренных экономических и социальных проектов и направляться на укрепление нынешнего режима и на развитие военных (в том числе ракетно-ядерной) программ, создающих возможности для поддержания напряженности на Корейском полуострове с целью оказания давления на Южную Корею и региональные державы.

Можно выделить несколько направлений секторального развития Северной Кореи после начала реформ.

Часть отраслей будет полностью или в значительной степени ликвидирована без последующего восстановления.

Система нерыночного (административного) распределения товаров и услуг в её ортодоксальном формате оказалась в кризисе в начале 1990-х годов после прекращения помощи со стороны бывшего Советского Союза, произошедшего после краха социализма в СССР и распада Советского Союза. После предстоящего перехода на рыночные принципы рудименты административных механизмов распределения товаров на Севере будут ликвидированы.

Вместе с тем на первом этапе рыночных преобразований сохранится задача оказания значительной продовольственной помощи беднейшим слоям, на долю которых приходится значительная часть северокорейского населения. «Ловушка» здесь состоит в том, что при возможном использовании привычных мест распределения помощи в населенных пунктах и при ослаблении контроля на низшем уровне за раздачей продуктов, товаров первой необходимости и лекарств может возникнуть угроза не только хищений, но и трактовки распределения помощи как благодеяния местных или пхеньянских чиновников, с целью повышения их политических рейтингов.

Объективно большой комплекс проблем порождает ликвидация военного сектора индустрии и связанных с ним промышленных производств, а также преобразования в тяжелой промышленности. Смена политического режима и переход на рыночные отношения, а

также к политике открытости снимают потребность в военном производстве в прежних объемах. Спрос на продукцию военной индустрии и смежных отраслей резко падает. Ракетно-ядерное производство прекращается.

Исходя из российского опыта, конверсия военных производств с прицелом на выпуск потребительской продукции, скорее всего, не принесет положительного результата. Вопрос не только в проблеме совместимости военных технологий в их северокорейском варианте с задачами удовлетворения спроса на продукцию гражданского назначения. Главное – это соотношение между *финансовыми затратами и выпуском конкурентоспособной продукции*, которое можно будет обеспечить путем нового строительства и путем модернизации существующих северокорейских военных производств.

Однако главная задача, стоящая перед военной отраслью и связанными с ней предприятиями базовой индустрии, – не производственная, а социальная. В бывшем СССР около 70% промышленности прямо или косвенно работало на военное производство. В Северной Корее этот показатель выше – более 80%. Соответственно, результатом реформ будет закрытие большинства военных предприятий и огромный всплеск безработицы.

При этом придется принимать во внимание разнородную структуру северокорейцев, в отношении которых следует разработать специальные программы целевой социальной поддержки. С одной стороны, помощь должна быть направлена на обеспечение выживания тех 30-40% северокорейского населения, которые сегодня находятся за чертой бедности. С другой стороны, особого отношения к себе потребуют лица, рабочие места которых будут потеряны вследствие сворачивания военного производства и отказа от нынешней политики «Сонгун» («приоритет развитию армии»). Надо будет принять во внимание, что эти люди лишатся не только средств к существованию, но и потеряют свой статус принадлежности (независимо от своего конкретного служебного положения) к привилегированному слою, получавшего пусть и скромное, но более высокое по сравнению с обычным уровнем продовольственное, товарное и медицинское обеспечение, а также руководящий статус.

Учитывая, что поддержание социальной, а значит, и политической стабильности станет главной задачей начального

этапа рыночных реформ в Северной Корее, разработка и реализация целевых социальных программ должны стать важным условием адаптации северокорейского общества к условиям функционирования экономики и общества в Объединенной Корее.

(v) Инфраструктура и базовая индустрия

Базовая индустрия подлежит практически полной модернизации, поскольку большинство предприятий тяжелой промышленности технологически глубоко отстало от современных мировых требований. Однако целесообразность многомиллиардных вложений, например в металлургию, потребует специального исследования, учитывая существующие мощности Юга Кореи и Китая, готовые удовлетворить возникающий спрос. В случае необходимости такая компания, как POSCO будет способна найти необходимые решения проблемы, например, создав малые специализированные металлургические заводы.

Другого к себе подхода заслуживают отрасли инфраструктуры, уже сейчас в большинстве своем исчерпавшие свой ресурс, но восстановление которых потребуются на самом первом этапе реформ, поскольку без них невозможно создание новой северокорейской экономики: энергетика, транспорт, связь, в том числе мобильная. Эти отрасли находятся в разрушенном или зачаточном (мобильная связь) состоянии.

После прекращения советской помощи состояние на Севере Кореи автомобильных и железных дорог резко ухудшилось. В результате транспортная отрасль сегодня не способна удовлетворять потребности даже нынешней слабой экономики Севера, не говоря уже о спросе со стороны новой, рыночной системы, для которой нужно будет создать транспортную сеть, связанную с Югом Кореи, Китаем и Россией. Коренной реконструкции потребуют железнодорожный транспорт, автомобильное сообщение, портовая инфраструктура, встанет вопрос о строительстве водопроводов и обеспечении поставок воды для населения. В этой сфере приоритетом будет не только утилизация устаревших и аварийных систем и создание новых, но и модернизация еще действующих объектов. Наиболее перспективными

с этой точки зрения становятся порты Рачжин, Нампхо, Чхончжин и т.д.

Существующие риски здесь связаны с тем, что уже на самом первом этапе процесса объединения Кореи возникнет необходимость тесного согласования решения задач внутреннего развития Севера Кореи и координации сотрудничества в развитии транспортной сферы между Кореей, Китаем и Россией.

Близкую по своему характеру задачу предстоит решить при модернизации северокорейской энергетики. В энергетике существует ряд предприятий, которые при определенных условиях могли бы стать объектом не утилизации, а модернизации. Это Восточно-Пхеньянская ТЭЦ, нефтеперерабатывающий завод в Унги и ряд других. В кардинальном решении энергетической проблемы корейская сторона может рассчитывать на использование потенциала энергетики российского Дальнего Востока, заметно окрепшего за последние годы, а также российского энергетического машиностроения. Уже сейчас существуют планы включения Севера в энергетические проекты, разрабатываемые на территории Дальнего Востока России. Главная угроза – возможная «ловушка» доступности поступающей потребителям электроэнергии. Пореформенный опыт России, Украины и других стран СНГ показывает, что в условиях избавления от административного контроля со стороны авторитарной власти, свобода доступа к электроэнергии в понимании значительной части неплатежеспособных потребителей, а также только начинающих свой бизнес предпринимателей означает возможность подключаться к энергетическим сетям (или газопроводам) бесплатно.

В случае организации финансирования поставок электроэнергии из международных или южнокорейских кредитных источников на начальной стадии решение северокорейской энергетической проблемы могло бы осуществляться по схеме: *платежи, проводимые третьей стороной – российская энергия – северокорейский потребитель* с последующим постепенным и поэтапным введением оплаты за электроэнергию северокорейскими потребителями.

(vi) Потенциал традиционных экспортных производств

В северокорейской экономике существуют отрасли, сохраняющие наибольший потенциал с точки зрения перспектив модернизации и организации на их базе экспортных производств. В их числе:

- легкая промышленность,
- сфера услуг, рестораны, туризм, игорный бизнес и т.д.
- рыбная промышленность,
- горнорудная промышленность,

Учитывая технологическую специфику данных отраслей, их способность гибко и динамично откликаться на потребительские запросы, возможно несколько вариантов как полной утилизации существующего и строительства новых, так и модернизации старых производств при соответствующей переподготовке кадров. Например, часть предприятий легкой промышленности (например, текстильная фабрика в Саривоне, мощности в Вонсане), работающих на основе простых технологий, но способных обеспечить низкую себестоимость продукции, может быть сохранена при относительно небольшой модернизации. Параллельно потребуются создание новых производств для экспортных целей.

Перспективными с точки зрения внутреннего и внешнего спроса могут быть добыча морепродуктов, туристический, ресторанный и гостиничный бизнес. В том числе особый интерес соответствующие рыночные предложения могут вызвать у южнокорейских потребителей, у туристов из Китая и России. Существует потенциал для развития игорного бизнеса. Однако здесь возникает «ловушка» криминализации бизнеса, что в переходный период может стать вызовом нарождающейся правовой системе и социальной стабильности.

Создание новых производств в отраслях, ориентированных на потребительский сектор, может дополняться модернизацией существующих объектов – не столь сложных, в отличие от тяжелой промышленности, в технологическом плане и способных быстрее преодолевать отставание от международных стандартов качества.

Особый интерес представляет главный экспортный сектор Северной Кореи – добыча угля, редких и цветных металлов, урана и т.д. Здесь возможна как модернизация существующих предприятий (например, металлургический завод в Чхонджине), так и создание новых. И то и другое потребует крупных инвестиций в энергетическую и транспортную инфраструктуру в тех районах, где ведется добыча полезных ископаемых.

Переориентация этих предприятий на рыночные принципы деятельности будет сопровождаться приватизацией государственных предприятий. Административно-правовое решение этой задачи потребует дополнительных затрат на разработку соответствующих процедур и подготовку кадров.

В политико-правовом плане отдельно должен быть решен вопрос о допуске южнокорейцев и иностранцев к приватизации северокорейской государственной собственности. Здесь реформаторов подстерегает проблема, вызванная тем обстоятельством, что данные отрасли непосредственно связаны с нелегально функционирующей в нынешних условиях частью северокорейской экономики – «теневой» коммерцией формально государственных предприятий, а также индивидуальными деловыми операциями северокорейских граждан.

«Ловушка» состоит в том, что легализация бизнеса и приход южнокорейских инвесторов способны сломать ростки частного северокорейского бизнеса. Преодоление возникающих при этом рисков ущемления интересов заинтересованных северокорейских групп при необходимости обеспечить качество конечной продукции, а также динамику роста станет одним из серьезных вызовов реформирования Севера Кореи. При этом потребуются взвешенные и сбалансированные решения, поскольку придется принимать во внимание реальную способность «легализирующегося» северокорейского бизнеса развивать необходимые производственные мощности и создавать удовлетворительные условия для работающего персонала, оказывать ему социальную поддержку, соответствующую минимальным современным требованиям.

(vii) Новые виды производств, ориентированные на экспорт

Модель экспортной ориентации модернизируемой северокорейской экономики является единственным вариантом ускоренного развития Севера при бедности населения и низком платежеспособном спросе. Наряду с отмечавшимися выше возможностями существующих отраслей северокорейской экономики важную роль здесь могли бы сыграть и новые варианты развития во всех сферах экономики, ориентированные на экспорт.

У Южной Кореи здесь есть интересный опыт работы в северокорейском комплексе Кэсон. Создание еще 10-15 подобных зон в Пхеньяне и других крупных городах на территории Севера могло бы при небольших затратах дать относительно большой материальный эффект. Плюс к этому – решить проблему занятости и повышения качества северокорейской рабочей силы уже на начальном этапе рыночной модернизации.

Другой вариант особой зоны – Расон. Существующий здесь порт, построенный СССР для поставки грузов во Вьетнам во время вьетнамской войны, и созданная на его базе транспортная и отельная инфраструктура уже на начальном этапе модернизации могли бы принести результат. Аналогичные зоны можно было создавать в Синьчжу (ориентация на Китай), Нампхо (ориентация на Южную Корею и страны АСЕАН) и др.

Хотя существует возможность развития экспортного потенциала отраслей, уже существующих в КНДР, роль перспективных драйверов, способных вывести северокорейские товары на внешние рынки смогут взять на себя только новые производства, которые будут созданы с привлечением южнокорейского и иностранного капитала. Базой для реализации новой внешнеэкономической политики после перехода Северной Кореи к полноценным рыночным отношениям и открытости внешнему миру могли бы стать такие уже апробированные экономические зоны, как Кэсон и Расон. Впоследствии создание новых производств могло бы постепенно распространиться и на другие регионы.

В то же время реализация подобных проектов поджидает очередная «ловушка» – отношения между инвесторами и северокорейскими административными структурами в рамках

«экономики объединения», т.е. в процессе создания механизмов и институтов, которые будут обслуживать интеграцию новой северокорейской экономики с экономикой Южной Кореи. Связанные с новой экономикой производства тесно зависят от локальных систем образования и подготовки кадров, здравоохранения и правопорядка, административного управления, водоснабжения и подключения к источникам электроснабжения и т.п., которые в Северной Корее совершенно не соответствуют современным требованиям.

Предоставление жилья рабочим на длительные сроки в случае их постоянной работы на том или ином производстве, программы обучения рабочих, экспортная направленность производств (в случае с Северной Кореей – это не американский и японский рынки, как когда-то для Южной Кореи, а рынки той же Южной Кореи, Китая, России, стран АСЕАН) и т.п. могут стать основой для создания новой современной промышленности на Севере.

Создание новой системы мобильной связи с привлечением южнокорейских и китайских компаний может проходить при модернизации существующей сегодня ограниченной системы мобильной связи, базирующейся на египетских ресурсах.

Предпринимавшиеся ранее в КНДР попытки модернизации отрасли связи не дали положительного результата, поскольку и производственные мощности, и персонал оказывались ненужными для новых технологий при политических и цензурных ограничениях.

Аналогичная ситуация наблюдалась и при объединении Германии, когда практически все промышленное производство в Восточной Германии было полностью заменено для перехода на новые стандарты качества. При этом в советское время бывшая ГДР была наиболее технологически развитой страной социалистического лагеря, тогда как КНДР – одной из наименее развитых.

Опыт стран Восточной Европы, России и стран СНГ показывает, что роль модернизатора промышленности может взять на себя только иностранный капитал. Например, наиболее удачные примеры работы промышленных производств в постсоветской России были связаны с производством автомобилей на южнокорейских, американских, немецких и японских заводах.

В Южной Корее накоплен огромный собственный опыт модернизации страны, созданы корпорации, способные успешно конкурировать на мировых рынках. При учете политической и социальной специфики Севера южнокорейское государство и бизнес в кооперации с международными организациями и внешними партнерами способны придать мощный импульс системным реформам и модернизации Севера Кореи.

V. Внешняя политика и оборона: отношения с Китаем, США, Японией и Россией

Объединение Кореи может привести к ликвидации очага конфликтов и нестабильности на Корейском полуострове, что отвечает стратегическим интересам региональных держав. Вместе с тем существуют риски, связанные с несоблюдением баланса интересов соседей Единой Кореи.

Так, Китай и Россия, выступающие категорически против появления у своих границ ядерной державы, одновременно озабочены возможным возникновением здесь новых угроз. В условиях наличия российско-американских политических противоречий, острых китайско-американских и китайско-японских дискуссий о региональных угрозах безопасности высока вероятность риска того, что Объединенная Корея вновь превратится в «буферное» государство, разделяющее Россию и Китай, с одной стороны, и США и их союзников – с другой. В этом случае возникла бы настоящая дипломатическая «ловушка». Такое развитие событий было бы губительно со всех точек зрения: для перспектив развития Объединенной Кореи, для региональной безопасности и экономической интеграции в Северо-Восточной Азии, для осуществления проектов национального развития, а в конечном итоге возродило бы в регионе атмосферу «холодной войны».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что текст принятой Советом Безопасности ООН резолюции № 2270 от 2 марта 2016 г. о ракетно-ядерных испытаниях КНДР был подготовлен в ходе американо-китайских переговоров. Таким образом, по корейской проблематике ведется диалог, включающий консультации Вашингтона

с Сеулом и Токио, а также обмен мнениями между Пекином и Москвой.

В этом просматриваются контуры конструктивного общего диалога региональных держав о будущем Корейского полуострова, включая объединение Кореи. Отсюда потребность в активизации консультаций по вопросам поддержания мира и сотрудничества на Корейском полуострове, способах достижения согласия с учетом первоочередных и стратегических приоритетов корейского народа и обоснованных интересов региональных держав.

В то же время дипломатическая активность должна учитывать угрозы существования «ловушек».

«Ловушка» № 1: судьба ядерного оружия. Ведущие региональные державы (США, Китай, Япония, Россия) ожидают от единой Кореи полного уничтожения северокорейского ядерного потенциала. Официальный Сеул поддерживает подобный подход.

В то же время в южнокорейской интеллектуальной среде существует мнение, что Югу надо будет использовать северокорейское ракетно-ядерное оружие для укрепления престижа в мире безопасности и в целях национальной безопасности. Если подобный вариант развития событий будет в какой-то мере реализован, это вызовет жесткое противодействие со стороны всех региональных держав. Сеул может оказаться в положении нового изгоя с большими негативными экономическими последствиями.

«Ловушка» № 2: армия. Объединение Кореи объективно требует резкого сокращения не только северокорейской, но и южнокорейской армии. Отказ от быстрого сокращения военной мощи Единой Кореи – так же, как и от решения ядерной проблемы – вызовет напряженность в отношениях с соседями. Однако следование стратегии быстрого разоружения создаст новые сомнения в вопросах безопасности Единой Кореи, включая фактор т.н. «китайской угрозы».

В свою очередь существует другой важный вопрос, возникший в связи с развитием ядерных и ракетных программ КНДР – расширение возможностей противоракетной обороны в Японии и на Юге Кореи. Токио начал переговоры с США о размещении на архипелаге систем ПРО еще в 1998 г., после запуска северокорейской баллистической ракеты, перелетевшей территорию Японии. С 2004 г.

проект перешел в практическую плоскость: первые компоненты системы ПРО наземного базирования были размещены вблизи японской столицы. В настоящее время в Японии размещено 4 системы ПРО. В ближайшие годы планируется принятие на вооружение еще 2-х систем.

С другой стороны, вопрос о размещении систем ПРО в Южной Корее до сих пор находится в стадии обсуждения. Речь идет об американском противоракетном комплексе ТНААД (Terminal High-Altitude Area Defense). Находясь под давлением со стороны США и Китая, выступающих с различных позиций по поводу размещения ПРО в Корее, южнокорейское руководство до недавнего времени не выносило окончательного решения. Проблема военных дисбалансов может осложнить политическую ситуацию вокруг объединения Кореи.

«Ловушка» № 3: отношения с Китаем. Во-первых, Объединенной Корее предстоит урегулировать проблему пограничного размежевания с Китаем. Поэтому Сеулу важно уже сегодня искать на экспертном уровне варианты решения территориальных вопросов с Китаем (Пэктусан и т.д.). В противном случае отношения с Китаем могут принять нежелательно острый характер.

Во-вторых, остается нерешенной проблема северокорейского долга Пекину. Учитывая, что на долю Китая приходится до 90% внешнеторгового оборота КНДР, сохранение нерешенных экономических проблем в отношениях с КНР может осложнить процесс модернизации северокорейской экономики. Поэтому актуальной задачей станет урегулирование всех взаимных китайско-корейских экономических претензий.

В-третьих, вопрос возможного потока северокорейских беженцев не только на юг, но и в Китай. Здесь также нужна согласованность корейской (Единой Кореи) и китайской миграционной политики.

«Ловушка» № 4: экономическая интеграция в СВА. С одной стороны, устранение в результате объединения северокорейской угрозы безопасности в СВА создает большие возможности для раскручивания интеграционных процессов в формате Китай – Корея – Япония. С другой стороны, внимание Сеула будет переключено с целей и задач интеграции в СВА на задачи восстановления Севера страны. Решая задачи такого рода, Корея столкнется с интересом

частных и государственных компаний сопредельных стран – России и, особенно, Китая – к северокорейским ресурсам. Механизм трехсторонних переговоров сопредельных стран по будущей совместной модернизации Северной Кореи, раздела сфер ответственности по предоставлению помощи и координация действий могли бы стать основой для формирования цивилизованной конкурентной среды в экспортно-ориентированных отраслях корейской добывающей промышленности.

«Ловушка» № 5: отношения с Россией. Россия поддержит объединение Кореи. Однако, возможно, в России появятся опасения (особенно если отношения с США будут оставаться острыми) по поводу того, что в результате объединения военная инфраструктура США в Единой Корее будет приближена в российской границе.

Для предотвращения подобного негативного сценария важно проводить упреждающие консультации по данной теме.

Уже после принятия резолюции № 2270 проблемы Корейского полуострова обсуждались в ходе состоявшегося в Москве 4 марта 2016 г. второго раунда регулярного российско-китайского Диалога по безопасности в Северо-Восточной Азии, в ходе которого стороны «подтвердили необходимость неукоснительного выполнения резолюции СБ ООН № 2270». Вместе с тем, РФ и КНР отметили «негативное влияние планов размещения в Республике Корея американских установок ПРО THAAD на военно-политическую обстановку в СВА. Обращено внимание на недопустимость скатывания к конфронтации и раскручивания гонки вооружения в регионе».

Одобрение СБ ООН жесткой резолюции, осуждающей действия северокорейского режима, продемонстрировало способность региональных держав находить согласованные решения.

VI. Выводы

Можно выделить несколько этапов становления рынка, права и демократии в Северной Корее.

Начальный этап – обеспечение социальной стабильности и вывод населения из глубочайшей нищеты.

Следующий этап – активное формирование на Севере рыночных механизмов и институтов в качестве подготовки к объединению.

Третий этап перемен может иметь своей целью уже непосредственное начало интеграции Северной Кореи в экономику и социальную и политическую жизнь Юга.

Завершающий этап – развитие северных районов уже Объединенной Кореи.

Каждый этап потребует своих объемов финансирования, законодотворческой, экономической и социальной политики.

Главные вызовы политической реформы видятся в следующем:

- ТПК и клан Кимов не могут оставаться у власти без противодействия и создания стратегических рисков процессу объединения.
- Однако их запрет и устранение создает вакуум политической власти, для заполнения которого нужна глубоко продуманная, взвешенная и поэтапно проводимая политика стабилизации на Севере.
- Риски того, что население страны будет силовым путем противиться смене режима Кимов, существуют только в случае, если клан Кимов или ТПК так или иначе сохранят свое место в политической жизни. В случае их полного ухода вероятность того, что население, лишившись старых вождей, встанет на защиту их власти и идеологии, является практически нулевой.

Здесь опыт России может быть более полезен, чем опыт перехода к капитализму Китая (разный уровень урбанизации и экономической структуры, масштаб и политическая роль страны) или, например, Восточной Германии, где этот процесс происходил в условиях быстрого (в течение одного года после краха коммунистического режима в ГДР) объединения страны.

Хотя опыт трансформации России и ряда других стран СНГ и Восточной Европы может быть поучителен, реформирование

северокорейского общества и объединение Кореи представляют собой уникальный случай.

Уникальность северокорейского пути к рынку и открытости состоит в трансформации небывало закрытой страны; в том, что в Корее элитам придется одновременно искать компромиссы между социальной стабильностью и экономической эффективностью, балансировать между открытостью и правопорядком, стремлением к демократии и обеспечением устойчивости политических институтов, параллельно ведя диалог по внутренним и внешним вопросам с ведущими региональными державами.